

Художественная культура всегда являлась почвой для прорастания революционных идей. В серии «Труды и дни» (аллюзия на тему поэмы Гесиода) вышла книга Андрея Ковалева «Критические дни»¹. Цитата без комментариев: «Очень хочется устроить революцию. Скрипеть кожанкой и пить матэ; беседовать с крестьянами в горах и выкрикивать зажигательные речи перед боролатыми казаками. Но сначала надо заняться кабинетной работой – точно определить источники и движущие силы, досконально осознать, могут ли все еще верхи, и хотят ли низы».

В архитектонике современности отчетливо ощущается дыхание новой культурной эпохи. Какую роль в ней займет иронический тип мировосприятия, с точки зрения ироника, это, по большому счету, не так уж и важно. Ведь «и это пройдет...».

О. В. Николаева

ВЫСОКАЯ ФИЛОСОФИЯ И НИЗМЕННАЯ ПРАКТИКА ЮМОРА

В настоящее время в сферу философского исследования вовлекаются вещи и явления, ранее не служившие предметом философской рефлексии. Все то, что ранее считалось «недостойным» изучения академическим сообществом, в XX в., а особенно в XXI в., делается точкой притяжения внимания ученых-философов и культурологов. Культурология, на наш взгляд, и создана для того, чтобы вместить все те предметы и градации бытия человека, которые высокомерно отвергались философией классической, академической школы. Все низменное служит предметом либо осмеяния, либо презрения философов старой закалки. Они регулярно в кулуарах с возмущением и некоторой брезгливостью произносят темы многих диссертационных работ по философским специальностям. Введение принципиально новых предметов в философский дискурс воспринимается как отход от науки, которой служат ученые, предательство, нарушение этики философской корпорации, колебание догматов, впадение в ересь, «продажа души» ради конъюнктурных выгод. Обращение к новым объектам изучения оценивается негативно и толкуется как частное проявление моральной деградации современного общества.

¹ Ковалев А. Критические дни. – М., 2002.

Сказанное выше в полной мере можно отнести и к теме философского изучения юмора. Нами на обсуждение кафедры философии была вынесена тема «Философия юмора». Один из докторов философских наук немедленно отреагировал: «Философия юмора – это уже юмор, это просто смешно». В данной ситуации заявление «это смешно» маскировало возмущение тем, что кто-то всерьез осмелился поставить рядом высокую науку философии и нечто низменное – юмор. Ведь еще Аристотель считал комедию – театральным жанром, вызывающий смех, – низким жанром, подражанием «худшим людям». Кроме того, характеристика темы как несерьезной предполагала автоматическое прекращение обсуждения данного вопроса, «закрытие темы» компетентным лицом – доктором философских наук. Таким образом, автор фразы «это смешно» уничтожил потенциальное исследование юмора его же оружием, используя одно из онтологических качеств юмора – его лаконичность и емкость.

Юмор имеет целый ряд антагонистов, но философия особенно далека от всего несерьезного, поскольку пытается проникнуть в глубины бытия, постоянно бесконечно приближается к истине, находится у самой границы сакрального знания. Философия стремится к тому, в чем религия пребывает, и от чего юмор убегает. В силу своей высоты и серьезности философия оказывается уязвимой для насмешек, и высокомерно старается шутки в свой адрес не замечать.

В последнее время философия, далеко оторвавшись от религии, активно творит свой тайный язык и стремится сакрализироваться. И этот процесс сакрализации через тайный язык делает предмет изучения, отчего философия языка и развивается бурно. Но не каждый современный думающий человек соглашается поклоняться философии. Находятся и такие, чье чувство юмора не парализуется от слов – заклинаний новой мудрости. В. Пелевин издевается над современной западной философией, поднимая ее на смех: «...современные философы – это подобие международной банды цыган-конокрадов, которые при любой возможности с гиканьем угоняют в темноту последние остатки простоты и здравого смысла»¹.

Впрочем, уже на следующей странице автор от критики отдельных философов переходит к масштабному образу всей философии постмодерна, употребляя сниженную лексику. Причем осторожно де-

¹ Пелевин В.О. Македонская критика французской мысли // Пелевин В.О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избр. произв. – М.: Эксмо, 2007. С. 291.

лает это не от своего, авторского, лица, а приводит высказывание вымышленного персонажа, не особо симпатичного субъекта.

Юмор связан с оценочностью суждений, дихотомией плохое–хорошее. Иначе говоря, юмор этичен и может рассматриваться в категориях морального сознания. И, как «низменное» явление, он «плох». Ибо «серьезное» – это «хорошо», а смешное – «плохо». Посему и тема «философия юмора» «плоха» по определению.

Уже в самом названии нашей статьи заявляется о двойственном характере юмора, его внутренней противоречивости. Юмор амбивалентен сам по себе, обращен сразу в две противоположные стороны бытия. «Высота» юмора связана с его способностью к обобщению множественной практики и выражению в афористичной форме единой сути целого класса однотипных явлений.

При подобном взгляде на юмор выявляется его онтологическая сущность. Юмористическая ситуация, высказывание или изображение всегда имеют второй смысл. Мысль воспринимающего юмор неизбежно отсылается к чему-то более общему, чем непосредственный предмет шутки. К чему-то неколебимому и известному как стабильное. Онтологичность юмора заключается в этих глубинных основах бытия, которые придают юмору смысл. В Англии есть «юмор, который и юмором назвать трудно, – горький сарказм, обращенный на мироздание (гением такого сарказма стал тоже англичанин – Свифт)»¹.

Иначе говоря, онтологичность юмора – это второй смысл явления – высказывания или визуального ряда, становящийся первым и главным. Высокая философия юмора приподнимает человека над повседневностью, и это роднит юмор с этикой и религией. Данное направление исследований мы еще будем разрабатывать. Для того, чтобы отнести явление юмора к высокой философии, достаточно было бы только вскрытия его онтологических характеристик.

Юмор зарождается позже смеховой культуры. Если смеховые действия универсальны, и смеховая традиция обращена к народной массе, то восприятие юмора доступно далеко не каждому. Юмор всегда индивидуально окрашен, а смеховая, карнавальная культура безлична. Можно сказать, что карнавал, смех – это массовая культура прежних эпох. Для понимания и, тем более, порождения юмора требуется достаточно высокая способность абстрагирования и владения языком. Отдельные социокультурные слои могут иметь свой внутренний

¹ Рабинович В.С. Предисловие // Английский юмор для детей и взрослых с чувством юмора. – Екатеринбург, 2007. С. 14.

юмор, не всегда понятный внешней социальной среде. Юмор отражает и сознание индивида, и коллективное бессознательное.

Вместе с тем, можно говорить и о гносеологических функциях юмора. Юмор является одним из способов познания мира. Однако если задуматься над тем, можно ли познавать природные, например, геологические, явления юмористическими средствами, то это окажется невозможным.

Познанию с помощью юмора подвержены лишь системы, в центре которых находится человек. Лишь культурные, соотнесенные с человеческой деятельностью явления могут служить точкой притяжения внимания человека смеющегося, причем смеющегося потенциально. Смеяться можно и над животными, и над любыми природными объектами, если они уподобляются человеку, приобретают антропоморфность. Так происходит в сказках и анекдотах. Даже космические объекты, антропоморфизируясь, делаются предметом юмористической рефлексии. Приведем пример.

Две планеты встречаются на орбите.

– Как поживаешь?

– Да плохо: люди завелись. Не знаю, чем лечить.

– Ничего, пройдет. У меня тоже были, потом сами прошли.

Не все бытие, а только культура познаваема с помощью юмора. Соответственно, юмор – это специфический метод познания культуры. Ценность юмора заключена в его эффективности, происходящей из узкой направленности. Но указанная эффективность, позволяющая человеку экономить время и энергию, достигается за счет низведения предмета шутки до чего-то незначительно, грязного, недостойного. Как в анекдоте о двух планетах человечество уподобляется паразитам организма. Низость юмора проявляется в том, что язык юмора всегда предельно конкретен и не может оторваться от мелочей повседневности.

Поскольку культура существует в национальных формах, то важным для понимания идеи любого этноса представляется исследование юмора с точки зрения его различий от народа к народу. Здесь было бы уместно употребить слова «смех» и «юмор» во множественном числе: «национальные смехи», или «национальные юморы», однако, подобные словосочетания режут слух. Национальный юмор – способ рефлексии народа, осознавшего свои недостатки, но не желающего их искоренять из-за боязни утраты идентичности. То есть в юморе народ осознает себя. «Базовой в системе «фольклорной этнологии» была и остается идея этноцентризма, при которой положительная оценка

«своих» и негативная оценка «чужих» часто дается в категориях мифологического мышления»¹. Юмор неотделим от живой фольклорной традиции. «Официальный» юмор трудно представить, ибо все официальное и политкорректное серьезно. Есть народы с большим или меньшим чувством юмора. Например, широко славен английский юмор, и почти неизвестен финский.

Этнических традиций юмора гораздо больше, чем их попадает в поле зрения европоцентричного философа-культуролога. И уж гораздо больше, чем мы их можем понять. Юмористическая культура каждого народа заслуживает исследования. Такие ученые, как Зулфия Ахмедова, А. М. Бейтуганов, уже обратились к изучению национальных юмористических традиций (узбекской, кабардинской), посвятив им свои диссертационные работы². Нами выявлено 33 диссертации, защищенных до 2007 г. включительно, в названии которых содержатся слова «юмор», «смех», «смеховой», и более сорока работ, посвященных иронии, сатире, шутке, анекдоту и вообще комическому³.

Когда особенности национального характера становятся константами, их начинают обыгрывать в юмористическом ключе. В сказках, малых фольклорных формах, национальной литературе запечатлены и черты этнического характера, и ироничное отношение к ним носителей. Юмор явлен нам как этнокультурная конкретика. Он национально специфичен и детерминирован рядом факторов.

В отечественной традиции мы привыкли, что юмор определяется социальной ситуацией. Острейшая юмористическая форма, анекдот, отражает все политические события в стране, в двух строчках показывая их сущность лучше, чем многочасовые разъяснения комментаторов, политологов и юристов. К примеру, как только во всероссийском масштабе началась борьба с коррупцией, так страна просто застряла от смеха, поскольку неконтролируемый обвал анекдотов, шуток, всевозможных саркастических высказываний по поводу этого благого начинания заполнил все культурное пространство нашей великой страны.

Юмор тесно связан с философской категорией свободы. По сути, в момент смеха человек абсолютно свободен. Спонтанный смех, оттого, что смешно, есть свободное проявление отношения к действительно-

¹ Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. – М.: Наука, 2008. С. 8–9.

² URL: dissros.ru/diss_ru/ist-10--1-ru--st-175--s-2.html

³ Там же.

сти, акт свободы. Юмор зачастую демонстрирует нам абсурдность нормы, ограниченность здравого смысла, глупость поклонения серьезному. В шутке человек проявляет себя как автономная личность. И тот, кто шутит, и тот, кто реагирует, выступают полноправными субъектами юмора. В процессе юмористического общения выясняются ценностные ориентации субъектов. Смеяться вместе над одним и тем же, видеть одинаково юмористическую сторону бытия – это сближает, как и совместно перенесенные трудности. Юмор всегда вызывал опасения власть предержащих, особенно там, где власть стремится установить контроль не только над телами и кошельком, но и над мыслями. Юмор противоречив по своей природе и неоднозначен. Поэтому в нем и сочетаются, казалось бы, взаимоисключающие качества, тотальность и сакральность. Однако и данное направление мысли требует дальнейшей проработки.

Современная исследовательница Н. Я. Григорьева обращает внимание на функции смеха в меняющемся обществе XX в. Тоталитаризм выражается в том числе и в биополитике – контроле за физическим телом человека. Человек всегда ищет возможность выйти из-под тотального контроля, реализовать свободу. «Вне всяких сомнений, теории смеха, как Плеснера, так и Бахтина, каждая по-своему, противостояли пафосу биополитики, которым были проникнуты все тоталитарные режимы»¹. Т. е. смех обеспечивает свободу на краткий миг.

Юмор позволяет познать сущность культурных явлений, не прибегая к узкопрофессиональной терминологии, которая зачастую скрывает, а не проясняет смысл для профана. Юмор популяризирует знание локальных общественных групп, выводя знание из области наук об обществе в само общество, делает его всеобщим достоянием. В этом смысле юмор носит тотальный характер, ибо ему подвержена вся культура. Юмор часто прибегает к языку иносказания, что придает шуточным высказываниям дополнительную выразительность. Шутка из комедии или анекдота часто становится афоризмом – кратким выразительным изречением².

С некоторым допущением можно сказать, что применение юмористических афоризмов, как и пословиц, служит опознавательным знаком для людей одной культурной общности, чем-то вроде пароля,

¹ Григорьева Н.Я. Смех и зрелище как предметы философской антропологии М. Бахтина и Х. Плеснера // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. 2008. № 2 (11). Сер. «Философия». С. 62.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1953. С. 25.

элемента тайного языка. Сейчас, на нынешней стадии изучения юмора, мы признаем, что никакой сети, иерархизированной структуры юмористического языка не существует, ибо юмор творится ситуативно, и постоянно на языке юмора никто не говорит.

Юмор находится на периферии общественной жизни. По своей природе он не может находиться в центре, представлять собой основную струю культурной жизни. Юмор неизбежно маргинален. «Маргинальность определяется специфическими свойствами различных культурных факторов, которые развиваются вне доминирующих в данную историческую эпоху господствующих правил и норм рациональности, тем самым обнажая противоречия здравому смыслу»¹. Маргинальность юмора видна наглядно: в газетах и журналах раздел юмора помещается обычно на последней странице. В этом юмор подобен десерту, подаваемому в конце обеда: без него можно и обойтись, но ведь это самое вкусное.

Юмор действителен лишь при наличии у субъекта чувства юмора. Любой смеховой акт, любая шутка может состояться лишь при благоприятном стечении обстоятельств – объективной ситуации и субъективных качеств воспринимающего шутку человека. В этом смысле юмор несет в себе элемент случайного совпадения. Качества необязательности, случайности роднят шутку со стрессовым событием. Однако смех становится стрессом для субъекта при отсутствии у него чувства юмора. О людях, неспособных воспринять юмор говорят, что у них нет чувства юмора. В Википедии говорится: «Под чувством юмора подразумевается комплекс перцептивных, когнитивных, эмоциональных и поведенческих процессов». Однако не сказано, в чем этот комплекс процессов выражается. «Можно сказать, что чувство юмора – это то самое шестое чувство. Без него, в принципе, можно прожить. Как, скажем, без зрения и слуха, но в жизни будет чего-то не хватать»².

По нашим наблюдениям, люди более умные и образованные обладают более ярким чувством юмора, нежели лица с низким интеллектом и узким кругозором. При возрастном снижении интеллекта и скорости нервных реакций уменьшается и восприимчивость к юмору. Те же явления наблюдаются у алкоголиков и людей с нервно-психическими заболеваниями.

¹ Усманова А.Р. Маргинальность // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М., 2002. С. 444.

² Как у вас с чувством юмора? // Вести. 4 февр. 2011 г. № 20 (3332). С. 15.

Развитое чувство юмора может служить показателем ума. Недаром в объявлениях о знакомстве чувство юмора фигурирует как привлекательное качество потенциального избранника. Подразумевается, что человек с чувством юмора умен, и оценить его может только некто тоже умный. Иначе говоря, заявление «ищу девушку с чувством юмора» следует понимать как «я умный и ищу такую же». Газета «МЕТРО» провела опрос в четырех странах – России, Чили, Дании, Германии: каким видят люди своего идеального возлюбленного, какие качества необходимы человеку, чтобы его могли полюбить. В четырех из приведенных восьми высказываний содержится пожелание, чтобы избранник обладал чувством юмора. Это качество ценится во всех странах и перечисляется в одном ряду с харизмой, талантами, умением общаться и стремлением создать семью¹.

Когда мы рассматриваем юмор как часть смеховой культуры, возникает вопрос о возможности самостоятельной науки о смехе, которой даже предложено название гелологии. Попробуем определить все «за» и «против» данной дисциплины.

Для начала определим, от какой «большой» науки отделяется гелология. Если за линию старта брать сочинения М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, Д. С. Лихачева², то гелология становится подразделением культурологии, которая сама, в свою очередь, есть «облегченная» философия. То есть гелология – нисхождение философии на две ступени. Однако можно вывести гелологию и из психологии, то есть рассматривать различные лица смеха и юмора как проявления психической жизни человека. Таким образом, гелология опосредованно связывается с медициной и биологией. Перед практической гелологией открываются богатые перспективы использовать смех в качестве мощного психотерапевтического средства.

Обращаясь к социальным функциям смеха и юмора, социальной роли карнавалов, смеховых празднеств и прочего, ученый может отталкиваться не от культурологии, а от социологии, позиционировать гелологию как сектор науки об обществе и пользоваться социологическими методами.

¹ Metro. 14 февр. 2011 г. – С. 5.

² *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1965; *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понирко Н.В.* Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984.

При всей разнице между предложенными подходами не следует забывать, что и социология, и культурология, и даже психология по историческим меркам не так давно отпочковались от философии. Достаточно ли значителен и объемный потенциальный предмет гелологии, смех? Сам по себе смех, как физиологический процесс, в его первоначальном, исходном значении, может изучаться только медиками узкой специализации, например, исследующими различные дыхательные практики.

Если же под термином «смех» понимать всю смеховую культуру, а также все, связанное с юмором, иронией, комедией, сарказмом, гротеском, сатирой, то предмет заявленной науки гелологии представляется довольно обширным. Он, в принципе, может, с некоторой натяжкой, претендовать на предмет отдельного научного направления в рамках наук о человеке, культуре, обществе. Однако выделение учения о смехе представляется весьма искусственным и натянутым. Выделение гелологии в науку отражает не столько существо предмета, сколько притязания на оригинальность тех специалистов, которые хотят шествовать под собственным научным стягом.

Проведем аналогию с естественными науками. Если кто-то решит создать особую науку о картофеле и назовет ее «потатология», то станет изучать все, связанное с этим растением. В поле его зрения попадет дикий картофель и культурные его сорта, история выведения сортов, пути распространения картофеля, особая эстетика растения, восприятие картофеля в различных национальных культурах; картофель будет рассмотрен с точки зрения агрономии, гастрономии, кулинарии, медицины, экономики, генетики, химии, геологии и так далее. Специалисту-потатологу хватит работы на всю жизнь. Плодом его творчества станет огромная иллюстрированная энциклопедия картофеля. Однако какой практический смысл будет иметь это интегрированное знание о картофеле? Так же следует воспринимать и гелологию. Принцип организации науки о смехе вступает в противоречие с самой природой смеха и юмора. Наука предполагает серьезность, структурированность, наличие специального языка, не допускающего сниженную лексику. Юмор же в большинстве случаев представляет собой игру с языком, столкновение стилей речи. Никому не запрещено стать гелологом – крупным специалистом, знающим о смехе все, снисходительно и устало взирающим на веселящихся профанов от смеха. Опыт показывает, что если кто-то застолбил некий участок – предмет научного исследования, то от него не откажется.